

НАВСТРЕЧУ 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГАЛИНА ИВАНОВНА СМАГИНА

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института
истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: galsmagina@yandex.ru

Петербургская Академия наук без М.В. Ломоносова в 1765 году: взгляд изнутри

УДК: 001.32(47+57)"1765"

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-7-13

Публикуется записка: «Современное состояние Академии наук и ее различных департаментов в конце 1765 года». Автор записки неизвестен. Записка представляет большой интерес для понимания как состояния дел в Академии наук и ее учреждениях в конце 1765 г., так и отношений между академиками; она характеризует повседневную академическую жизнь и расширяет наши представления об Академии наук после смерти М.В. Ломоносова (апрель 1765 г.). Публикация сопровождается комментариями и вводной статьей.

Ключевые слова: Академия наук, 1765 г., Я.Я. Штелин, Ф.У.Т. Эпинус.

История Петербургской Академии наук XVIII в. не богата воспоминаниями академиков или разного рода обзорами ее деятельности. Пожалуй, вспоминаются только бумаги М.В. Ломоносова¹, дневник конференц-секретаря Я.Я. Штелина за

¹ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. X. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 9–320.

© Смагина Г.И., 2023

1766–1769 гг.² и несколько страниц в «Записках» княгини Е.Р. Дашковой³. Поэтому встреча с неизвестным ранее документом представляет несомненный интерес.

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук в фонде историка, архивиста и историка науки Александра Игнатьевича Андреева (1887–1959) сохранилась записка на немецком языке “Gegenwärtiger Zustand der Akademie der Wissenschaften und ihrer verschiedenen Departaments am Schluss des Jahres 1765”. Записка довольно большая, содержит 16 листов большого формата, она не подписана. Здесь же находится и перевод записки на русский язык. И сама записка, и ее перевод сделаны одной рукой — рукой А.И. Андреева⁴. К сожалению, оригинал записки пока обнаружить не удалось.

А.И. Андреев сделал попытку идентифицировать автора записки. Сначала он предположил, что им является академик Я.Я. Штелин (1709–1785), исходя из того, что только Штелин мог знать о событиях 1763 г., когда И.И. Тауберт хотел исключить М.В. Ломоносова и самого Штелина из советников академической Канцелярии. Сомнения же вызывал тот факт, что Штелин, по мнению Андреева, не мог себе позволить не совсем уважительно отозваться о великом Леонарде Эйлере⁵. В конце концов А.И. Андреев пришел к заключению, что автор записки — не Штелин.

Обратимся к времени создания записки. Ее автор несколько раз говорит о ненавистной всем академической Канцелярии: «...об Академии идет слава, что она находится под владычеством невежественной и властолюбивой Канцелярии». Известно, что 5 октября 1766 г. указом Екатерины II был назначен директором Академии наук граф В.Г. Орлов⁶, а 30 октября того же года — от должности советника был отстранен Тауберт и упразднена существовавшая более четырех десятилетий академическая Канцелярия⁷. Вместо нее учреждалась специальная Комиссия для управления научными и организационными делами. В нашей записке об этом ничего не говорится, а значит, она составлена ранее этих событий, т. е. до начала октября 1766 г.

Следует заметить, что в пользу академика Я.Я. Штелина говорит еще несколько фактов. Штелина в начале 1735 г. пригласил в Петербургскую Академию наук ее директор барон Иоганн Альбрехт Корф, и Штелин мог наблюдать некоторые его нововведения, о чем идет речь в записке.

Прежде чем дать характеристику каждому члену Академии, автор записки сообщает об обязанностях конференц-секретаря, которые перечислены подробно и со знанием дела. Это также говорит в пользу Штелина, так как с 7 марта 1765 г. он исполнял эти обязанности. Перечисляя особенности каждого профессора, автор никого не выделяет и никого не характеризует отрицательно, а, скорее, как-то

² Штелин Я. Дневник конференц-секретаря Петербургской Академии наук за 1766–1769 годы / Отв. ред. и сост. Г.И. Смагина; транскрипция текста О.Н. Блёскиной; пер. с нем. Г.И. Смагиной и И.Ю. Тарасовой; вступ. ст. и комм. Г.И. Смагиной. СПб.: Росток, 2021. 464 с.

³ Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 150–164.

⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 934. Оп. 1. Д. 307. Л. 7–15 об. (немецкий вариант); Л. 16–24 об. (перевод).

⁵ Там же. Л. 5–5 об.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 17. № 12 750. С. 1015–1016.

⁷ Там же. № 12 780. С. 1037.

обыденно, например: «Г-н профессор Протасов, хотя и выполняет полагающуюся ему работу по анатомии, однако не проявил себя какими-либо открытиями или статьями в академических Комментариях». Автор записки прекрасно осведомлен о пяти вакантных должностях в Академии — конечно, об этом хорошо знает конференц-секретарь, т. е. Штелин. Перечисляя науки и должности, автор так написал о Леонарде Эйлеру: «...недостает <...> крупного математика по высшей математике: был Эйлер, который ушел из-за неприятностей». Л. Эйлер действительно покинул Петербург в 1741 г. Не совсем понятно, почему А.И. Андреев считал эту фразу неуважительной по отношению к Эйлеру.

Затем речь идет об академических учреждениях: об Университете и Гимназии, Департаменте искусств, Географическом департаменте, Инструментальной мастерской, Библиотеке, Кунсткамере и особенно подробно — об Академической типографии. Автор записки проявляет поразительную осведомленность, говоря о Географическом департаменте, из которого «за 6 и более лет <...> не было выпущено ни одной новой карты», и подчеркивая бедственное положение граверов, печатников и многих других сотрудников, получающих столь скудное жалование, что они «работают с величайшей неохотой и мечтают лишь о том, как бы поскорее избавиться от Академии». Тут следует вспомнить, что именно Штелин много лет возглавлял художественные мастерские и лучше, чем кто бы то ни было, знал о положении дел в них.

Автор записки в целом считает, что Академия наук находится в неудовлетворительном состоянии, и вину за это он возлагает на советника Канцелярии И.И. Тауберта. «Г-н Тауберт, — пишет автор записки, — опять остался один в Канцелярии и до сих пор распоряжается, как желает, всеми департаментами и годовой суммой примерно 50 000 рублей академических средств, по своему усмотрению и целиком со своекорыстными намерениями». Автор полагает, что нельзя поручать надзор и руководство такими разнородными департаментами Тауберту, а следует надзор и управление учреждениями распределить «между различными академиками соответственно особым склонностям и способностям каждого из них». Только таким образом можно будет «лучше управлять Академией и приносить государству безмерно больше пользы».

Достаточно негативно упомянут президент Академии граф К.Г. Разумовский, «который не заглядывает обычно в Академию даже и по два раза в год».

Все вышесказанное позволяет считать конференц-секретаря Штелина одним из возможных авторов записки.

Но есть еще одно предположение: автором записки мог быть академик Франц Ульрих Теодор Эпинус (1724—1802). Франц Эпинус принадлежит к плеяде ярчайших деятелей екатерининской эпохи. Это всемирно признанный при жизни классик науки об электричестве, член пяти европейских академий, с октября 1756 г. профессор физики в Петербургской академии наук. За прошедшие с этого момента 10 лет он мог быть свидетелем большинства событий, описанных в записке.

Сначала среди академиков были уважительные отношения, но постепенно энциклопедические знания Эпинуса и умение участвовать в научных диспутах стали раздражать его коллег. В письме к канцлеру Н.И. Панину в середине 1764 г. он так характеризует нравы Академии наук: «Я должен был бы, на самом деле, радоваться тому, что оставляю место службы, где я испытал лишь жестокости и различные оскорбления, однако я ничуть не сомневаюсь, что Е. И. В., которая предоставила

Академии художеств столь мудрый регламент, не замедлит привести свою Академию наук в такое состояние, когда в ней будут чувствовать себя огражденными от оскорблений невежд и от грубости, и что тогда она не будет заполнена лицами, к числу которых не составляет чести быть причисленными...» (цит. по: [Новик, 1999, с. 16]).

Помимо плодотворной научной работы, академик Эпинус был учителем физики Екатерины II (в бытность ее великой княгиней). Им был написан учебник «Краткое понятие о физике для употребления <...> князя Павла Петровича», вышедший анонимно в русском переводе в конце 1760 г., а в конце мая 1764 г. ему было поручено «преподавать <...> наставления в экспериментальной физике <...> цесаревичу <...> Павлу Петровичу».

В письме к Н.И. Панину в конце 1764 г. Эпинус поясняет свою позицию: «Я готов посвятить себя той деятельности, которую Е. И. В. мне предлагает, но я умолил ее сохранить за мной место в Академии... Чтобы предотвратить море сплетен, в которое мне пришлось бы погрузиться, я умоляю направить Академии указ, который бы гласил: поскольку Е. В. доверила мне заниматься с великим князем, что не позволит мне регулярно работать в Академии, Е. В. освобождает меня от работы в Академии таким образом, чтобы Академия ничего не требовала бы от меня, исключая то, что я сам в состоянии делать по собственной воле (курсив мой. — Г.С.), но что указом Е. В. я остаюсь ординарным членом Академии <...> Академия не обязана платить мне жалование, которое Е. В. мне предоставит, но Академия должна заполнить место физика, которое я занимал, достойным лицом, которое могло бы преумножить честь Академии...» (цит. по: [Там же, с. 18]).

Эти пожелания Эпинуса практически дословно перенесены в именной указ, подписанный Екатериной II 12 февраля 1765 г., в котором академическая Канцелярия извещается, что «...профессора Эпинуса разсудили мы <...> употребить <...> при учении великого князя...»⁸. На самом же деле указ от 12 февраля маскировал другой именной указ, данный императрицей Коллегии иностранных дел. Согласно ему Эпинус с 1 января 1765 г. зачислен в Коллегию иностранных дел, где 33 года будет возглавлять шифровальную службу России.

В записке эти пожелания, но уже закрепленные в указе Екатерины II, повторены почти теми же словами: «По экспериментальной физике в качестве добровольного члена коллежский советник Эпинус *приходит в академические собрания лишь когда желает, или по особому приглашению, а от него не имеют права требовать сочинений по его специальности, если ему самому не будет угодно представить таковые*» (курсив мой. — Г.С.). С другой стороны, это не является доказательством авторства, так как содержание императорского указа, конечно, было известно всей Академии.

Есть еще один эпизод, в котором равно проявилась информированность и Штетлина, и Эпинуса. Речь идет о немецком математике, профессоре логики и физики в Бютцове В.И.Г. Карстене (1732–1787). Ученого приглашали на освободившееся место профессором физики в Петербургскую академию наук, когда стало известно, что академик Эпинус оставляет эту должность и переходит на службу в Коллегию иностранных дел. Карстен сначала согласился, а потом вежливо отказался. 5 сентября 1765 г. на заседании академической Конференции было зачитано письмо Карстена, адресованное Эпинусу, в котором тот благодарит Академию за свое назна-

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 282. Л. 281–283.

чение профессором петербургской Академии и указывает причины, обремененный которыми, не вполне может принять такой пост за пределами своего отечества⁹.

Штелин с некоторым раздражением 8 ноября 1765 г. писал об этой ситуации Г.Ф. Миллеру в Москву: «Вакансии в нашей Академии все еще не заняты. Господин профессор Карстен из Бютцова был избран. Я тайно навел справки, примет ли он предложение и на каких условиях. Тем временем господин Тауберт без моего ведома сам написал ему письмо и в ответном письме получил отказ»¹⁰.

В записке об этом сказано так: «Еще недавно один знаменитый математик и физик, именно профессор Карстен из Бютцова, отказался от приглашения в здешнюю Академию наук, с извинением сославшись на то, что, получая 600 рейхсталеров в Мекленбурге, он может жить несравненно лучше, чем на 1 000 рублей в дорогом Петербурге».

На авторство Эпинуса косвенно указывает время написания документа (о чем сказано в начале статьи): практически сразу перед выходом указов о преобразованиях в Академии, об устранении Канцелярии. Не мог ли Эпинус, бывая при дворе, получить непосредственное задание императрицы — обрисовать для нее сиюминутное состояние дел в Академии наук? Ведь это могло быть продолжением знакомства Екатерины II с делами Академии — после прочтения ею записки М.В. Ломоносова «Краткая история о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени» (50 с.)¹¹, которую он написал за несколько месяцев до смерти. Эти записи о плачевном состоянии Академии наук были найдены после смерти ученого в его бумагах. И если вспомнить, что все рукописное наследие М.В. Ломоносова перешло к Г.Г. Орлову — весьма влиятельному в то время фавориту Екатерины II, то не исключено, что императрица была знакома с «Краткой историей». Были же причины, побудившие Екатерину отстранить Тауберта и заняться переустройством Академии.

И все же достоверно назвать имя автора записки мы пока не можем. Однако в любом случае, кто бы им ни был, она бесспорно представляет огромный интерес для понимания положения дел в Академии наук и ее учреждениях в конце 1765 г. (после смерти М.В. Ломоносова в апреле 1765 г.), показывая ситуацию в Академии глазами не стороннего человека, а участника событий.

Источники

«В нашей Академии мы хотим иметь людей исключительно высшего ранга в ученом мире»: Письма Я. Штелина к Г.Ф. Миллеру. 1765 г. / Подг. публ., пер. с нем. и комм. Г.И. Смагиной // Исторический архив. 2020. № 3. С. 181–197.

Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 496 с.

Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. X. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 936 с.

⁹ Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1724 по 1803. Т. 2. СПб.: Тип. ИАН, 1899. С. 548.

¹⁰ «В нашей Академии мы хотим иметь людей исключительно высшего ранга в ученом мире»: Письма Я. Штелина к Г.Ф. Миллеру. 1765 г. / Подг. публ., пер. с нем. и комм. Г.И. Смагиной // Исторический архив. 2020. № 3. С. 193.

¹¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. X. С. 267–317.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 17. СПб., 1830. № 12 750. С. 1015–1016; № 12 780. С. 1037.

Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1724 по 1803. Т. 2. СПб.: Тип. ИАН, 1899. 886 с.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 282. Л. 281–283.

СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Д. 307. Л. 7–24 об.

Штелин Я. Дневник конференц-секретаря Петербургской Академии наук за 1766–1769 годы / Отв. ред. и сост. Г.И. Смагина; транскрипция текста О.Н. Блѣскиной; пер. с нем. Г.И. Смагиной и И.Ю. Тарасовой; вступ. ст. и комм. Г.И. Смагиной. СПб.: Росток, 2021. 464 с.

Литература

Новик В.К. Академик Франц Эпинус (1724–1802) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 4. С. 4–35.

St. Petersburg Academy of Sciences in 1765 without M.V. Lomonosov: A View from the Inside

GALINA I. SMAGINA

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: galsmagina@yandex.ru

The paper contains the text of the note “The current state of the Academy of Sciences and its various departments at the end of 1765” with comments and an introduction. The author of the note is unknown. The note is of great interest for the researchers interested in overall understanding of the state of affairs in the Academy of Sciences and its institutions at the end of 1765 and the relations between academicians. It describes the everyday life of the Academy and expands our understanding of the Academy of Sciences after M.V. Lomonosov’s death (April 1765).

Keywords: Academy of Sciences, the year 1765, Ya.Ya. Shtelin, Fr.U.Th. Aepinus.

References

Dashkova, E.R. (1987). *Zapiski. Pis'ma sester M. i K. Vil'mont iz Rossii* [Notes. Letters of sisters M. and K. Vilmont from Russia], Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta (in Russian).

Lomonosov, M.V. (1957). *Poln. sobr. soch. v 11 t.* [Complete collection of work in 11 vols], vol. X, Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Novik, V.K. (1999). Akademik Frants Epinus (1724–1802) [Academician Franz Epinus (1724–1802)], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 4, 4–35 (in Russian).

Polnoye (1830) *sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], St. Petersburg, no. 12 750 (pp. 1015–1016); no. 12 780 (p. 1037) (in Russian).

Protokoly (1899) *zasedaniy Konferentsii Imperatorskoy akademii nauk s 1724 po 1803* [Protocols of meetings of the Empire Academy of Sciences Conference], t. 2, St Petersburg: Tip. IAN (in Russian).

Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch], f. 3, op. 1, d. 282, l. 281–283 (in Russian).

Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch], f. 934, op. 1, d. 307, l. 7–24 ob. (in Russian).

Shtelin Ya. (2021). *Dnevnik konferents-sekretarya Peterburgskoy Akademii nauk za 1766–1769 gody* [Diary of the Conference Secretary of the St. Petersburg Academy of Sciences for the years 1766–1769], ed. and comp. by G.I. Smagina; transcription of the text by O.N. Bleskina; transl. from German by G.I. Smagina and I.Yu. Tarasova; introductory article and comments by G.I. Smagina, St. Petersburg: Rostok (in Russian).

“V nashey (2020) Akademii my khotim imet’ lyudey isklyuchitel’no vysshego ranga v uchenom mire”: Pis’ma Ya. Shtelina k G.F. Milleru. 1765 g. [“In our Academy we want to have only highest ranked people in scientific world”: Letters of J. Stelin to G.F. Miller. 1765], podg., publ. per. s nem. i komm. G.I. Smaginoy, *Istoricheskiy arkhiv*, no. 3, 181–197 (in Russian).